

На следующий день Бай Цзинь отправился в поместье Гу, чтобы доложить об этом деле. Гу Шань был так безмерно рад, что тут же достал набор редких каллиграфических прописей, вынул из шкатулки из белого нефрита с узором таоте кусок первоклассной туши Дуншань и преподнёс его Бай Цзиню.

Затем он позвал слугу, чтобы тот немедленно распорядился подготовить кабинет Гу Яньли, снабдив его письменными принадлежностями в точности такими же, как у сына.

Глядя на Бай Цзиня, он с улыбкой произнёс:

— Ань-эр и Яньли сейчас в точности как мы с тобой в юности. Только бы они росли такими же дружными, как мы!

Бай Цзинь, вспомнив годы учёбы, почувствовал, как сжатое от тревоги сердце наконец отпустило, и они с Гу Шанем ещё немного побеседовали, шутя и смеясь.

Во второй половине дня нетерпеливый Гу Шань прислал за Бай Цианем карету. Личный слуга Бай Цианя, Чжулин, донёс его до самого кабинета хозяина поместья. По пути Бай Циань не переставал удивляться: павильоны и террасы сияли золотом и нефритом, повсюду чувствовался размах первого в империи купца. Пройдя через сад по извилистым коридорам, они ступили на дорожку, вымощенную галькой, поросшей мхом.

Вскоре они подошли к изящному строению, окружённому густыми зарослями цветущих груш и банановых пальм, что придавало месту особую элегантность. Бай Циань подумал: должно быть, это и есть кабинет дядюшки Гу.

У входа Чжулин опустил мальчика на землю и остался ждать снаружи, а внутрь его провёл слуга клана Гу. Как только бамбуковая штора поднялась, Бай Циань почувствовал тонкий аромат туши. На восточной стене висел свиток с подлинной каллиграфией великого мастера: Весенний блеск в чертогах дарует новую милость, чиновник в отставке вновь листает старые книги.

Под окном стоял широкий стол из жёлтого палисада, на котором небрежно лежали редкие издания. Рядом, на подставке из того же дерева с резьбой в виде сотни птиц, курилась ароматическая палочка в курильнице из печи Лунцюань. Бай Циань подумал, что дядюшка Гу совсем не похож на купца, скорее на усердного учёного-сюая.

Он перевёл взгляд и увидел в центре комнаты высокого, крепкого мужчину с широкими плечами и прямой осанкой, от которого веяло суровой властью. Когда тот отложил кисть и повернулся, Бай Циань увидел лицо, которое показалось ему смутно знакомым.

Глаза Гу Шаня под густыми бровями были тёмными и проницательными, а складка между бровей, казалось, никогда не разглаживалась, выдавая его крутой нрав. Однако в детских воспоминаниях Бай Цианя Гу Шань был добрым и ласковым: он любил подхватывать мальчика на руки и тереться своей колючей щетиной о его нежные щёки, заливаясь смехом.

Не дожидаясь поклона, Гу Шань в два шага оказался рядом, подхватил ребёнка и громко рассмеялся:

— Ха-ха, Ань-эр, давно не виделись, ты стал ещё краше! Слышал, ты в этом году снова изображал бодхисаттву Гуаньинь? Жаль, я не видел, а то непременно приказал бы написать твой портрет, чтобы показать тётушке и прабабушке. Устал с дороги? Чувствуй себя в моём доме как у себя!

— У меня здесь как раз свежие чайные пирожные, поешь немного, прежде чем идти к прабабушке, а к ним подадут молочный чай, хорошо? Я помню, ты это больше всего любишь.

Не в силах отказаться от такого радушия, Бай Циань под ожидающим взглядом Гу Шаня съел несколько изысканных пирожных и выпил полчашки сладкого чая. Гу Шань смотрел на него с довольной улыбкой: как было бы хорошо, если бы Ань-эр был его сыном! Он обожал смотреть, как этот кукольный ребёнок ест, отчего и у самого просыпался аппетит. Увы, его собственный сын — сущий сорванец. Увидев, что Бай Циань больше не может, он велел служанкам убрать со стола.

Гу Шань расспросил его об успехах в учёбе, о прочитанных книгах и о здоровье бабушки. Выслушав чёткие, хоть и по-детски звонкие ответы, Гу Шань довольно закивал, отослал Чжулина и сам взял Бай Цианя на руки, направляясь во внутренний двор.

Чем дальше они заходили, тем больше поместье Гу казалось обителью небожителей: пышные сады, величественные павильоны. Весна была в самом разгаре, цвели яблони и персики. Пройдя мимо восьмигранной стены-ширмы, Гу Шань указал пальцем на домик в конце сада:

— Ань-эр, там вы с Яньли будете заниматься. Письменные принадлежности приносить не нужно, я всё приготовил, просто учись прилежно. Если этот негодник Гу будет хулиганить, сразу говори мне — я его выпорю! Если подерётесь или поссоритесь — тоже говори, я снова его выпорю!

— Я же сказал, этот дом — твой дом. Если меня не будет, иди к прабабушке, она по тебе очень скучает.

Бай Циань вежливо улыбнулся:

— Мы будем учиться вместе и, конечно, поладим.

Гу Шань лишь понимающе вздохнул. Подойдя к покоям прабабушки, он опустил мальчика на землю и взял за руку. Служанки у входа наперебой бросились открывать штору, докладывая внутрь:

— Господин и юный господин Бай пришли!

Едва Бай Циань вошёл, его окутал аромат дорогих благовоний. В комнате собрались все главы клана Гу, всё вокруг сияло золотом и роскошью. Прабабушка клана Гу с копной серебряных

волос сидела на кушетке и смотрела на них с улыбкой.

Бай Циань ничуть не испугался, изящно поклонился, приветствуя прабабушку и тётушек. Те в ответ приветливо закивали. Матушка Гу, обрадованная ещё больше, взяла Бай Цианя за руку, усадила рядом с собой и сказала Гу Шаню:

— Иди уже, у тебя там дел невпроворот, а за Ань-эра не беспокойся, он будет со мной.

Затем она погладила Бай Цианя по руке:

— Сегодня вышло неловко: я отправила Яньли проводить кузена, он ещё не вернулся. Словно конь без узды, кто знает, когда объявится. Ань-эр, хочешь остаться со мной или пойдёшь посмотреть ваш кабинет?

Бай Циань поспешно ответил:

— Не стоит утруждать прабабушку, я ведь каждый день упражняюсь в каллиграфии, а сегодняшнее задание ещё не выполнено!

Матушка Гу похвалила прилежного ребёнка и велела слугам отнести его в кабинет, а также передала няне приготовленные подарки для семьи Бай. Госпожа Шэнь, мать Гу Яньли, с улыбкой взяла Бай Цианя за руку:

— Позволь мне проводить его, так будет удобнее.

После того как они вышли, госпожа Шэнь по пути расспрашивала Бай Цианя о его матери и тётушках. Лишь у самого входа в кабинет она, помолчав, добавила:

— Ань-эр, мой сын — не злой и не глупый мальчишка. Если он будет вести себя не так, просто не обращай на него внимания, он немного побесится, погоняет на лошади, и всё пройдёт.

Бай Циань улыбнулся:

— Тётушка, вы шутите. Отец и дядя часто говорят, что брат Гу одарён не по годам. К тому же мы будем изучать науки и этикет, так что, уверен, с каждым днём мы будем ладить всё лучше.

Госпожа Шэнь рассмеялась, погладила его по голове и, дождавшись, пока он со слугой войдёт в кабинет, вернулась к себе.

Бай Циань огляделся. Он немного устал, да и время дневного сна подошло. Полагая, что Гу Яньли вернётся не скоро, он велел Чжулину уложить его на кушетку у окна, подложив мягкую подушку с вышивкой сливы. Он попросил Сяо Мэй поставить будильник, чтобы та разбудила его, когда объект задания будет приближаться.

— Сяо Мэй приняла! Задание будет выполнено!

Тем временем Гу Яньли с шумом и гамом возвращался домой. Слуги наперебой хвалили его: один восхищался тем, как лихо юный господин держался в седле, другой — его величественной походкой. Гу Яньли привык к лести, но кто откажется от доброго слова? Он махнул рукой:

— Всем взять в казначействе жалованье за полмесяца! Я угощаю вас вином!

Слуги радостно благодарили хозяина, шум поднялся такой, словно на рыночной площади. Другие домочадцы кто делал вид, что не замечает, кто держался в стороне, но большинство поддалось общему веселью. Шум стих лишь у ворот внутреннего двора, куда мужчинам-слугам вход был заказан.

Гу Яньли, не дожидаясь, пока служанки поднимут штору, сам ворвался в комнату. Обычно матушка Гу долго расспрашивала его о поездке, но сегодня она лишь загадочно улыбалась. Он с недоумением посмотрел на мать и тётушек — все они смотрели на него с той же усмешкой. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце: уж не выплыла ли наружу какая-то из его проделок?

Наконец, заметив, что замешательство сына растёт, госпожа Шэнь рассмеялась:

— Раз уж поздоровался с прабабушкой, иди в кабинет! Отец оставил тебе сокровище, поторопись, пока не спрятали!

Гу Яньли округлил глаза. Что отец может «наградить» его палкой — он верил, но чтобы сокровище? Солнце явно встало не с той стороны!

Полный сомнений, Гу Яньли поклонился, вышел, на ходу сбросил меховую накидку и, не заботясь о том, сколько она стоит, позволил ей упасть на пол — служанки подберут. Он хотел спросить у них, что происходит, но те лишь твердили, что всё узнает в кабинете.

Путь был неблизким, и, так как никто не хотел раскрывать тайну, в груди Гу Яньли закипал гнев:

— Хорошо! Молчите! Вот сейчас приду и разнесу эту «драгоценность» в щепки, посмотрим, как они запоют! Наверняка опять какой-нибудь древний свиток, чтобы заставить меня зубрить! Если я хоть глазом моргну на эту дрянь, не быть мне больше Гу!

В ярости он долетел до кабинета. Увидев у дверей незнакомого слугу, он не удостоил его вниманием. Чжулин не успел и слова вымолвить, как Гу Яньли с размаху распахнул дверь ногой.

Бай Циань проснулся от грохота. Его ясные глаза, ещё затуманенные сном, с недоумением смотрели на дверь. Там, в контровом свете, стоял молодой господин в халате из ханчжоуского шёлка, увешанный золотом и нефритом. Выражение лица нельзя было разобрать, но было видно, что он тоже застыл, а в глазах застыла досада.

Чжулин бросился следом, но Гу Яньли, опомнившись, вытолкнул его обратно и рывкнул:

— Эй, кто там! Схватить его! Молчать!

Слуги клана Гу навалились на Чжулина и ловко заткнули ему рот. Чжулин отчаянно рвался к хозяину, но ничего не мог поделать.

Бай Циань смотрел на всё это, совершенно не понимая, что происходит. Видя, что Чжулина удерживают силой, он забеспокоился. Он хотел спросить Гу Яньли, что это значит, но тот, словно глупый гусь, уставился на него, покраснел и молчал.

Наконец, Гу Яньли нелепо выпалил:

— Маленький бодхисаттва, как тебя зовут? Мне всё равно, фамилия Гу мне больше не мила, я с радостью возьму твою.

Бай Циань: ?

Сяо Мэй: ?

Бай Циань ещё больше растерялся, хлопая глазами. Гу Яньли, видя, что тот молчит, ободряюще (Бай Циань: ?) посмотрел на него и, краснея, затараторил:

— Маленький бодхисаттва, меня зовут Гу Яньли. У меня есть отец, мать, бабушка, дяди и тётушки. Мы живём на улице Дунциншу в Цзиньлине, у нас тысячи слуг, а моего личного слугу зовут Тяньмо...

Бай Циань: ?

Бай Циань в ужасе прервал его, боясь, что тот сейчас дойдёт до подсчёта количества вьюнов в их прошлогоднем пруду:

— Брат Гу, я Бай Циань, племянник вашего управляющего. Не знаю, упоминал ли дядюшка Гу обо мне, но с сегодняшнего дня я буду учиться вместе с вами.

Глаза Гу Яньли расширились. Глупое выражение исчезло, он впился в него взглядом — острым, совсем как у Гу Шаня.

— Что? Ты и есть сын дяди Бая, Бай Циань? Тот самый, что в пять лет выучил Тысячесловие?

Гу Яньли был поражён. Он вспомнил, как отец, избивая его, постоянно ставил в пример этого Бай Цианя, унижая его до самой грязи. Он тогда поклялся проучить этого мальчишку, а оказалось, что Бай Циань — это и есть тот самый бодхисаттва, которого он видел вчера... Да это же судьба!

Бай Циань смотрел, как лицо Гу Яньли меняется от ярости к дикому восторгу и обратно, и подумал: не повредил ли он себе голову, когда дядюшка Гу его лупил? Неужели травма от пятой точки передалась в мозг?

Задание подождёт. Он испугался, что Гу Яньли сейчас набросится на него, и решил, что лучше сбежать, пока цел. Сяо Мэй полностью его поддержала:

— Кажется, с головой у объекта задания не всё в порядке!

<http://bllate.org/book/20696/2067690>